

ВМЕСТЕ ИНЭИНИЕМ

Ежемесячная газета Черкасского областного благотворительного
еврейского фонда „Турбота поколінь – Хэсэд Дорот“

Издаётся с декабря 2000 года.

Шват/Адар I 5779

февраль 2019

Пурим – история чудесного спасения евреев

Эта история произошла более 2400 лет назад в Персидской империи во время правления царя Ахашвероша (Артахсеркса). Пурим – это история про богатые пиры и смиренные посты, про коварного министра и преданный народ, про глупого царя и смелую царицу, про случайные события и закономерность чуда.

Всё началось с пира, на котором царь Ахашверош, желая похвастаться перед подданными красотой своей жены, позвал её танцевать перед подвыпившими друзьями. Гордая царица отказалась выполнять приказ мужа, что стоило ей головы (это жестокое решение подсказал советник Аман, который ещё не раз продемонстрирует свое злодейство).

Царь не долго горевал без царицы, а после пира, опять же по совету Амана, объявил конкурс красоты, чтобы выбрать новую хозяйку дворца. Из всех провинций империи привезли молодых красавиц, и взгляд Ахашвероша остановился на прекрасной Эстер. Царь-молодожён был влюблён и доволен новой женой. Его не очень беспокоило происхождение новоявленной царицы. Получив ответ: „Я – сирота“ на вопрос о её происхождении, царь облагодетельствовал своего советника Амана. А ведь Эстер была племянницей Мордехая – еврея. И именно он посоветовал молодой девушке, попавшей во дворец, сказать царю, что она сирота. Так, на всякий случай. В жизни оно ведь по-разному бывает.

Мордехай был честным и преданным царю человеком. Однажды он даже раскрыл заговор против Ахашвероша, о чём было записано в летописи правления. Однако он был единственным, кто не кланялся тщеславному Аману, что невероятно расстраивало министра. Главный злодей задумал уничтожить весь еврейский народ, а поскольку был очень суеверен, то решил бросить жребий, в какой день звёзды будут на его стороне, и его коварный план удастся. Именно этот жребий дал название празднику („пур“ переводится с аккадского как „жребий“).

Кости показали на 13 число весеннего месяца Адар, и с разрешения царя Ахашвероша на этот день была назначена расправа с негодным народом по всей империи. Узнав об указе, Мордехай поспешил к Эстер – просить её заступиться за свой народ. Надо заметить, что как мы уже знаем из начала этой истории, с жёнами (даже царскими!) не очень-то церемонились на древнем востоке, так что отправляться к царю без приглашения, да ещё и с просьбой было не очень безопасной идеей. В этот момент Эстер единственная из всех персонажей истории не поддаётся первому рациональному порыву отказаться рисковать и действовать исходя из своих личных интересов и желаний, а наоборот, принимает на себя ответственность за свой народ и пытается исправить ситуацию, возможно, ценой собственной жизни.

Она велит Мордехая объявить всем соплеменникам трёхдневный пост, который держит и сама. После трёхдневного воздержания от еды и питья храбрая царица отправляется в покои царя, куда можно входить только по его приглашению. Как только открылись ворота покоев и Эстер, затаив дыхание, сделала первый шаг, Ахашверош протянул ей свой скипетр – знак того, что она может войти. Первое препятствие было пройдено.

Дальше дело за малым – уговорить царя отменить приказ об уничтожении евреев. И тут царица идёт на маленькую женскую хитрость: чтобы царь был в хорошем настроении, его надо сначала накормить и напоить. Она приглашает на пир своего мужа и его министра. Захмелев на пир, Ахашверош обещает царице всё что она пожелает, хоть до полуцарства! Скромно опустив ресницы, Эстер просит его не о драгоценностях и недвижимости, а всего лишь о спасении своей жизни и жизни своего народа.

Царь в недоумении! Кто посмел покуситься на жизнь супруги? И о каком народе, собственно, идёт речь? И тут раскрывается, что Эстер – еврейка (что не очень расстраивает супруга), и что Аман задумал уничтожить евреев во всей империи. В процессе повествования царицы выясняется, что Аман не только планировал уничтожить евреев, но и захватить их имущество, не поделившись с царём. Так правитель понимает, кто на самом деле его подержка и опора, а кто пытается строить козни за его спиной!

Всё заканчивается, несомненно, пиром и весельем! Злодеи повержены, справедливость восстановлена, можно и отдохнуть!

Все события Пурима описаны в „Свитке Эстер“, который принято читать в день праздника в синагоге. И не просто так читать, а следить чтобы при каждом упоминании имени Амана все начинали топтать, хлопать, трещать в трещотки – в общем издавать звуки, заглушающие имя злодея и выра-

жающие отношение к нему всех присутствующих. Эту традицию очень любят дети, потому что так вести себя в синагоге можно только раз в году.

Ещё одна интересная особенность текста „Свитка Эстер“ это то, что в нём ни разу не упомянуто имя Вс-вышнего. Пурим – это религиозный еврейский праздник (не смотря на всю кажущуюся весёлость и несерьёзность), и текст свитка входит в состав основных еврейских текстов. При этом сам текст не содержит ни одного упоминания о божественном вмешательстве. На первый взгляд это просто история, где по странному стечению обстоятельств то, что должно было обернуться трагедией, заканчивается пиром.

Наши мудрецы говорят, что такова реальность этого мира: раньше, в библейские времена, Вс-вышний творил явные чудеса (заставил воды Красного моряступить перед евреями, лично беседовал с Авраамом и Моисеем и др.), а теперь, чтобы получить чудо, мы должны сами что-то для этого сделать. Ведь если мы хотим получить неожиданные (в хорошем смысле) результаты, то и делать должны что-то, что выходит за рамки обычного поведения. Ожидая чуда, нужно действовать на пределе собственных возможностей, иногда даже идти на риск, и тогда чудо непременно произойдёт, а называть его можно как угодно: чудом, успехом, помощью Создателя. Просто всегда важно помнить, что если ничего не делать, то ничего и не произойдёт (ну, как минимум, ничего хорошего).

В память о событиях Пурима установлена ещё одна „несерьёзная“ традиция. В этот праздник положено устраивать пир с большим количеством алкоголя, и даже выпиться до такой степени чтобы не отличать слова „Благословен Мордехай“ от „Будь проклят Аман“. Этот праздник учит нас тому, что важно иногда переставать смотреть на мир только с рациональной и трезвой (во всех смыслах этого слова) точки зрения. Ведь если постоянно анализировать и оценивать свои действия, не выпускать из-под контроля разума ничего происходящего вокруг, то можно очень скоро схлопотать депрессию. Иногда важно расслабиться и посмотреть на окружающий мир с точки зрения эмоций и радости, а ничто не помогает это сделать быстрее, чем вино. Главное, не увлекаться и помнить, что Пурим всего лишь раз в году. Продолжая тему пиров и съестного, важно рассказать о том, что едят на Пурим.

Основным блюдом праздника являются треугольные пирожные из песочного теста со сладкой маковой начинкой. Их называют „гоменташен“ на идише или „озней Аман“ на иврите. И то и другое означает „уши Амана“, в память о поверженном злодее Амане. Эти пирожные собирают в небольшие подарки вместе с конфетами и другими вкусностями и дарят друг другу, а так же отдают тем, кто не может себе позволить устроить праздник в силу материальных трудностей.

Главная же традиция праздника Пурим это, несомненно, Пуримшпиль – театральное костюмированное представление. Его можно готовить самостоятельно или приглашать настоящих актёров, можно распределять роли и подбирать костюмы заранее, а можно делать это прямо на празднике. В любом случае важно, чтобы спектакль отражал сюжет Пуримской истории (иногда в очень современной интерпретации) и в этом его педагогическая роль, а так же важно чтобы это было просто весело! Потому что одна из основных заповедей праздника – радоваться и веселиться! Пуримшпили начали развиваться как отдельный театральный жанр в конце средних веков, когда в Европе появляется жанр комедии дель арте. Бродячие труппы еврейских артистов показывали представление в масках Пуримских героев, ведь по всей Европе были так популярны представления актёров в карнавальных костюмах. Так Пурим стал ещё и театральным действием, и карнавалом.

В наши дни на Пурим ставят Пуримшпили в синагогах и еврейских общинах, в еврейских школах и детских садах. Молодые люди устраивают костюмированные вечеринки в карнавальных костюмах, готовят гоменташен и дарят вкусные подарки, выпивают и веселятся.

В преддверии праздника желаем вам радости и веселья, чудес и баланса между рациональностью и легкомыслием!

В 2019 году праздник Пурим выпадает на 21 и 22 марта. По еврейской традиции день начинается с вечера, так что веселиться мы начинаем 20 марта после

захода Солнца. Весёлого Пурима!

Малоизвестные факты из истории Пурима

Аман был повешен во второй день праздника Песах. (Пурим же – это годовщина победы евреев в войне против своих врагов одиннадцатью месяцами позже).

Еврейское имя Эстер было Адаса. (Эстер же является её персидским именем).

Мордехай был первым в истории человеком, именуемым „иудей“. (До этого использовались названия „еврей“ или „израильтяне“).

Ахашверош искал новую царицу четыре года, в течение которых он пересмотрел более 1400 претенденток, прежде чем выбрать Эстер.

Вашти (первая жена Ахашвероша) была правнучкой Навуходоносора, вавилонского царя, который разрушил первый Храм.

Аман был тем, кто посоветовал Ахашверошу казнить Вашти.

Согласно одному из мнений в Талмуде, Эстер вовсе не была так уж красива, и у неё была зеленоватая кожа.

Аман был когда-то рабом Мордехая.

Мордехай, который отказался кланяться Аману, был потомком Биньямина, единственного из сыновей Яакова, который не поклонился Эйсаву, предку Амана.

Изначальным планом Эстер было заставить Ахашвероша ревновать её к Аману за то внимание, которое она ему уделяет, чтобы царь убил их обоих.

Указ Амана никогда не был отменен. (Ахашверош только издал второй указ, давая евреям право на самозащиту).

Мордехай был очень старым человеком во время событий Пурима. (Он был членом Синедриона, высшего раввинского суда в Иерусалиме, ещё за 79 лет до того, как случилось чудо Пурима).

Все евреи мира жили в царстве Ахашвероша, так что все они были включены в указ Амана.

Имя Б-га ни разу не упоминается во всей „Книге Эстер“.

Хронология исторических событий праздника Пурим

369 год до н.э. – Ахашверош взшел на трон Персидской державы.

366 год до н.э. – 180-дневный пир Ахашвероша.

Тевет 362 года до н.э. – Эстер взята во дворец Ахашвероша.

Нисан 357 года до н.э. – Аман бросает жребий.

13 Нисана 357 года до н.э. – Первый указ, разосланный Аманом.

14-16 Нисана 357 года до н.э. – Трёхдневный пост, объявленный царицей Эстер.

17 Нисана 357 года до н.э. – Падение Амана и его казнь.

23 Сивана 357 года до н.э. – Указ, дающий право евреям защищаться.

13 Адара 356 года до н.э. – Казнь десяти сыновей Амана.

14 Адара 356 года до н.э. – Празднование Пурима повсеместно, кроме города Шушана, где отмечается ещё один день.

15 Адара 356 года до н.э. – Празднование Пурима в Шушане.

355 год до н.э. – Запись Свитка Эстер; установление еврейскими мудрецами праздника Пурим на все последующие поколения.

Свою „Трёхгрошовую оперу“ композитор Курт Вайль написал легко и быстро. Это никак не отразилось на успехе – партии из неё исполняли десятки звёзд – от американки Эллы Фицджеральд до советского Андрея Миронова. Нацисты такое переживали с трудом – обозвали „дегенератом“, объявили на него охоту. Но Вайль успел сбежать в США, где, вдохновляясь Стравинским, стал гением Бродвея.

Премьера „Трёхгрошовой оперы“ по пьесе Бертольда Брехта состоялась 31 августа 1928 года. Её ругали каждый на свой лад – за вопиющее поприще общественных ценностей, недостаточную социальную остроту и конкретность и даже за плагиат текста зонтагов, которые и на самом деле были откровенно списаны с произведений средневекового поэта Франсуа Вийона. Но хвалили всё-таки громче, вдохновеннее и искренней. И во многом за музыку, которую написал для постановки Курт Вайль. Брехт называл Вайля не просто композитором, а соавтором, ведь многие текстовые фрагменты рождались вместе с музыкой. Этим триумфом 28-летний композитор закрепил за собой почти официальный титул одной из ключевых фигур в музыкальном мире межвоенной Веймарской республики.

Гений мировой музыки XX века появился на свет 2 марта 1900 года в немецком городе Дессау в семье кантора местной синагоги Альберта Вайля, который между делом ещё и писал литургическую музыку. В такой атмосфере сложно было не увлечься сочинением мелодий. В 13 лет Курт написал своё первое произведение „Ми Аддир. Еврейская свадебная песня“, а в 18 лет отправился в Берлин учиться у известного композитора Энгельберта Хампердинка. За плечами у парня было несколько лет частных уроков игры на рояле, дирижирования и музыкальной композиции, имелся аттестат зрелости и прощупывался редкий талант. Но денег на жизнь в большом городе не хватало катастрофически, и Курту пришлось очень скоро вернуться из столицы домой. В Дессау будущий автор музыки к „Трёхгрошовой опере“ получил почти что трёхгрошовую зарплату репетитора для музыкантов при местном театре, а чуть позже ему досталось место потеплее – его назначили капельмейстером в городке Людешайд. Но всё это было не то. Кровь кипела, талант уже давно вышел за пределы скромных требований провинциального театра, и Вайль со скромными накоплениями снова отправился в Берлин.

Вернувшись в центр немецкой культурной жизни, 20-летний парень отнёс свои произведения композитору с итальянскими корнями Ферруччо Бузони – тот просмотрел работы и позвал Вайля на свой курс в Берлинскую академию искусств. Два года учёбы ограничились талантом молодого композитора – он стал увереннее, среди его творений появилось несколько зрелых произведений. Под влиянием музыкального языка своих учителей, а также под впечатлением от работ Игоря Стравинского он стремился создавать крупные формы, но вовремя понял, что публика хочет другого. Высокая и тонкая музыка в те времена уступала место ритмам более энергичным и далеко не таким изысканным. Вайлю они были хорошо знакомы – в студенческие годы он подрабатывал на жизнь, играя популярные песенки в таверне Bierkeller. Жилось непросто, себе он оставлял самый минимум, а остальное отправлял семье, но художнику всегда нужно пострадать, хотя бы немного. Впрочем, глубоко в печаль Курт не погружался – он давал уроки ещё более юным композиторам и писал новые произведения, работы становились всё больше и больше. В 1922 году состоялась первая премьера работы Вайля на большой сцене – постановка детской пантомимы „Волшебная ночь“ в театре на площади Кунфюртендамм. И понеслось. Кантаты, симфонии, оперы, песни, циклы – его увлекало всё. „Я никогда не видел отличия между серьёзной и лёгкой музыкой. Есть только музыка хорошая и плохая“, – говорил он.

В те годы искусство питалось соками социальных революционных идей, и без политической позиции не жилось даже самому посредственному художнику. Талантливый и неуго-

Гений с Бродвея

монный Курт не оказался исключением – в 1922 году он примкнул к Novembergruppe, обширной группе представителей искусства с левыми взглядами, в которой среди прочих состоял композитор и будущий автор гимна ГДР Ханс Эйслер. В такой компании ему было интересно всё – и социалистические взгляды, которые он тогда искренне разделял, и нужные знакомства. В этой дружеской среде его свели с драматургом Георгом Кайзером, и они вместе написали несколько небольших опер. Но это знакомство для Вайля оказалось важным даже не поэтому: дома у своего нового друга Кайзера летом 1924 года он встретил свою будущую жену, актрису Лотте Леня. Она стала его музой на всю жизнь и исполняла роли во многих операх, положенных на его музыку. А ещё – уже после смерти Курта – она участвовала в оригинальной постановке легендарного мюзикла „Кабаре“ и сыграла в фильме о Бонде „Из России с любовью“.

Вторым определяющим моментом тех лет для Вайля стало знакомство с Бертольдом Брехтом. Началось всё с того, что 27-летний композитор прочитал новый сборник стихов 29-летнего немецкого литератора „Домашние проповеди“, в числе которых были и пять стихотворений „Песни Махагоны“ – о выдуманном американском городе, погрязшем в жадности, коррупции и алкоголизме. Вайль настолько впечатлился сюжетом, что захотел немедленно встретиться с автором. Вскоре они уже писали вместе небольшую зонг-оперу „Махагоны“, которая в 1930 году трансформировалась в полноценное оперное произведение „Расцвет и падение города Махагоны“. Она появилась бы и раньше, если бы их не поглотила другая работа – над „Трёхгрошовой оперой“, адаптацией балладной „Оперы нищих“ Джона Гея. К чему была такая спешка? Наверное, ответа на этот вопрос нет. Возможно, авторы хотели успеть поставить свою оперу к 200-летию оригинального произведения, но скорее всего, изнутри их просто жгла идея – срочно хотелось броского, острого, резкого и честного. Своего.

Как в случае со многими гениальными произведениями, самые важные штрихи добавлялись чуть ли не на ходу. По иронии судьбы, песня „Мекки-нож“ была добавлена в произведение буквально за два дня до премьеры. Актёр, который исполнял роль разбойника Мекки, сказал Вайлю и Брехту, что было бы идеально, если бы его роль дополняла вокальная партия – так можно было бы ещё полнее раскрыть образ. Балладу о злодеяниях персонажа авторы написали, но без особого энтузиазма. И именно эта музыкальная исповедь стала символом „Трёхгрошовой оперы“ и превратилась в одну из самых популярных джазово-лирических песен следующих десятилетий. Создать такой долгоиграющий хит специально невозможно, это озарение и откровение. И чудо.

Но Брехт и Вайль не особо верили в чудеса. Они оба любили реальность, авангард, оба рушили старое и тут же создавали новое, оба разделяли идеи левых, но только в разной степени. Чистокровный немец Брехт, который серьёзно изучал Карла Маркса и стремился, чтобы у его постановки была явственная политическая нота, так и не смог убедить Вайля в необходимости поднять до максимума коммунистический градус в их работах. „Трёхгрошковая опера“, которая и без того была напитана духом социализма, стала причиной их самых острых и болезненных споров.

Когда драматург в очередной раз настаивал на том, чтобы поставить произведение в ещё более „левом“ свете, Вайль окончательно вышел из себя. „Я не могу переложить манифест коммунистической партии на музыку“, – высказывал он своё возмущение жене Лотте. Но успех общего детища некоторое время сглаживал конфликты внутри творческого дуэта. „Трёхгрошковая опера“ гремела на всю Германию, а потом и Европу – только за первый год она с лёгкостью выдержала 130 постановок и продержалась более 4000 вечеров, но при этом провалилась в США. В 1931 г. произведение начало

С 1933 г. безумно популярная опера резко стала никому не интересна. Вскоре Вайль узнал, что они с женой-арийкой уже внесены в чёрные списки деятелей искусства, подлежащих аресту – он не сомневался, что о его еврействе и левых взглядах уже никто не забудет. Всё это время Лотте оставалась рядом с ним, но их безопасность была дорожке штампа в паспорте, и пара решила разойтись – в 1933 г. они бежали во Францию и оформили развод. Но он был если не фиктивным, то очень недолгим – через Скандинавию и Сибирь они вместе перебрались в США, осели в Нью-Йорке и снова поженились в 1937 г. Правда, в промежутке между браками Лотте без зазрения совести крутила интрижки. Но муж прощал любимой музе всё.

Неожиданно для себя Вайль помог вдохнуть в жанр американских мюзиклов новую жизнь. Но прежде чем бродвейские продюсеры и публика его приняли, Курту, как и в молодости, пришлось начинать с низов – чтобы оплатить счета, он сочинял музыку для ширпотребных фильмов. Он не жаловался – такими были правила игры, и он их принимал. Период забвения продолжался недолго.

В 1938 г. Курт вместе с Максвеллом Андерсоном написал мюзикл „Праздник голландских поселенцев“, который стал настоящим событием. В этом же году на родине в рамках Имперских дней в Дюссельдорфе его „Трёхгрошовую оперу“ назвали примером дегенеративного еврейского социалистического искусства. Но Вайль жил уже в другом мире.

Вслед за „Праздником“ появился мюзикл „Леди в темноте“ на стихи Айры Гершвина, музыкальная комедия „Одно прикосновение Венеры“, другие работы – и все успешные. Вайль становился все более и более востребованным, но славы и признания, в которых он купался во времена своей молодости в Веймарской республике, не было. Ему щедро платили, его хотели слушать, но не хотели видеть – сколько запросов на членство в Американской академии искусств и литературы еврей-социалист Вайль ни подавал, его туда упорно не принимали. Некоторые американские критики считали, что он слишком потакал местным вкусам, чересчур хотел понравиться, слишком „американился“, но Вайль не видел в этом ничего плохого.

„Лотте и я приехали сюда в 1935 г. и сразу же влюбились в эту страну. Свой успех здесь (который многие называют „удачей“) связываю с тем, что я сразу же стал относиться к американскому образу жизни и культурным возможностям этой страны очень позитивно и конструктивно“, – вспоминал он.

„Трёхгрошковая опера“ всё-таки стала популярной в США. Её поставили заново в 1954 году, и она шла на бродвейской сцене с огромным успехом шесть лет подряд, а 48 вариантов песни „Мекки-нож“ были проданы тиражом 10 миллионов копий: Бобби Дарин, Элла Фицджеральд, Фрэнк Синатра, Стинг и даже Кевин Спейси – кто её только ни пел. Но этого успеха Вайль уже не застал – сразу после своего 50-летия он перенёс сердечный приступ, после которого так и не смог оправиться. 3 апреля 1950 года композитора не стало. На его надгробном камне были выбиты четыре строчки из пьесы „Затерянные среди звёзд“ Максвелла Андерсона:

Вот жизнь людская на земле:
Из мглы рождаемся на свет,
Проходит время – и нас нет,
Мы снова растворяемся во мгле.

Ганна РУДЕНКО.

Гарри Гудини

Великий драматург и критик Джордж Бернард Шоу однажды язвительно заметил, что наряду с Иисусом и Шерлоком Холмсом Гарри Гудини был одним из трёх самых известных людей в мировой истории. Гарри Гудини – бросавший вызов смерти „Самоосвободитель“, легендарный „Чудотворец“, „Чемпион мира по побегам из тюремных камер и Король замков“, был величайшим из циркачей в золотой для них век, страшно популярным астралником, первопроходцем массовых зрелищ и ловкого использования саморекламы.

Сын венгерского раввина, Гудини родился в Будапеште 24 марта 1874 г. Настоящее имя Гудини – Эрик Вейс, он сменил его на Эрик Вейс после иммиграции его семьи в штат Висконсин (его отец откликнулся на объявление о том, что маленький городок Эплтон нуждался в раввине).

Пока другие мальчишки играли в мяч или ловили лягушек, Эрик учился освобождаться от оков или проделывать опасные трюки на трапеции. Он был очарован фокусниками и представлениями бродячих цирков, посещавших городок. Эрик изучал „оригинальный жанр“ по книгам и брошюрам и подражал великому французскому иллюзионисту XIX в. Роберу Удену, известному как автор вечных тайн и секретов. Раввин Вейс был человеком грубым и сварливым и потерял работу в Эплтоне, оттолкнув от себя крошечный приход. Семья переехала в город Милуоки и погрузилась в отчаянную нищету. В 12 лет Эрик убежал из дома искать счастья в качестве артиста. Отказавшись от родного отца, он принял „отцовство“ Удена, чуть видоизменив его фамилию и превратившись, словно по волшебству, в Гудини. Поначалу с другом, а затем с братом Тео (по прозвищу Рыбок) работал на ярмарках, выставках, в магических представлениях, моралите и на подмостках.

В 1890-х гг. во время выступлений на Кони-Айленде он познакомился со своей будущей женой Бес, расстался с Рыбком (который преуспевал, хотя и оставался в тени брата) и приготовил совместный с супругой номер под общим псевдонимом „Гудини“. Они приобрели у одного старого иллюзиониста „магический сундук“, из которого попеременно исчезали и в котором появлялись вновь, будь то со свободными или со скованными руками, в колдовской „Метаморфозе“.

Гудини не уставал учиться у мастеров по замкам, решив узнать все возможные комбинации и механические конструкции замков. Нанося по замкам определенные удары, пряча отмычки на теле, изгибая собственное тело невообразимым образом или смещая свои необычно подвижные суставы, Гудини научился освобождаться от любых наручников или смиренных рубашек.

Он стал знаменитостью, когда бросал вызов властям каждого города, который посещал в своих турне. Гудини предлагал крупную сумму тому, кто сможет запереть его и удержать в пленнике. В начале XX в. он отправился в Европу, где ни Скотланд-Ярд, ни полиция Пруссии и Баварии, ни тайная полиция царя Николая II не смогли удержать под замком „Короля наручников“. Он высвобождался каждый раз, когда полицейские предпринимали новую попытку. Его слава росла сначала медленно, потом стремительно. Когда его, закованного в наручники и запертого в упаковочной клетке, бросили в Ист-Ривер, Гудини поднялся из воды свободным и готовым продолжить представление перед восхищённой публикой.

Когда его номер стал широко известным, он готовил новые сенсационные трюки, чтобы пощекотать нервы своим поклонникам, вроде „Бидона с молоком“ и „Камеры для китайской пытки водой“ (его помещали вниз головой в камеру, заполняемую водой, и он, казалось, сверхчеловеческим усилием спасался от неминуемой гибели). Он совершал турне по Европе, Канаде и США, привлекая к себе всеобщее внимание как самый знаменитый исполнитель трюков в мире. Смерть матери в 1913 г. вызвала у него глубокую депрессию. Гудини охватило стремление победить смерть. Его хоронили заживо, и он выбирался из могилы. Желая поговорить с покойной матерью, он старался познакомиться с выдающимися спиритами, одним из которых был автор Шерлока Холмса сэр Артур Конан Дойл. Одновременно Гудини возглавил „крестовый поход“ против шарлатанов, зарабатывавших на горе сирот с помощью фальшивых сеансов и фиктивным воскресением из мёртвых.

После Первой мировой войны недолгое участие в немом кино и исполнение новых номеров (вроде „Исчезающего слона“) не смогли вернуть к нему то восторженное внимание, которое он привлекал ранее. Когда Гудини умер в 1926 г. от перитонита, вызванного ударом в живот, полученным от введённого в заблуждение поклонника, его уже затмили такие кинозвезды, как Чарли Чаплин, Рудольфо Валентино и Дуглас Фэрбенкс, в наступившую эпоху, когда не хватало терпения для сложных и медленно протекавших номеров умеющих освобождаться от оков цирковых артистов.

Гудини известен ещё и тем, что первым стал суперзвездой, использовавшей СМИ для достижения наибольшего признания. Манипулируя прессой, показывая публике всё более сенсационные номера и подавая их в обёртке мнимой артистичности, Гудини создал массовое зрелище. То, что мальчик-иммигрант и вечно странствующий сын раввина Гарри Гудини смог совершить благодаря своему острому уму и превосходной физической подготовке, было одновременно американской историей успеха и еврейской сказкой. Гудини символизировал необычную способность своего народа выживать даже тогда, когда нет выхода.

По материалам Интернета.

Тайный еврей Христофор Колумб

15 февраля 1493 года Христофор Колумб отправил в Старый Свет сообщение об открытии новой земли, которой суждено было стать символом свободы, процветания и веротерпимости. Чтобы оценить вклад великого мореплавателя в мировую историю, надо взглянуть на его жизнь в контексте того беспокойного времени.

Колумб жил в Испании во времена инквизиции, когда „анусим“ („принужденные“), „конверсос“, „марранос“ – евреи, насильственно обращённые в христианство, но тайно сохранявшие верность иудаизму, жили в постоянном страхе ареста, пыток и смерти. Жизнь самого Колумба полна загадок, о которых спорят историки. Точно не известны ни дата, ни место его рождения.

По разным свидетельствам, Христофор Колумб родился в 1451 году в Генуе, на территории нынешней Корсики. Шесть итальянских и испанских городов претендуют на право зваться его родиной. О детстве и юности мореплавателя достоверно неизвестно практически ничего, так же смутно и происхождение семейства Колумбов.

Некоторые исследователи называют Колумба итальянцем, другие считают, что его родители были крещеными евреями, марранами. Это предположение объясняет невероятный по тем временам уровень образования, которое получил Христофор, выходец из семьи обычного ткача и домохозяйки.

Согласно мнению некоторых историков и биографов, Колумб до 14 лет учился на дому, при этом имел блестящие познания в математике, знал несколько языков, включая латынь. У мальчика было три младших брата и сестра, и все они обучались приходскими учителями. Один из братьев, Джованни, умер ещё в детстве, сестра Бьянкелла выросла и вышла замуж, а Бартоломео и Джакомо сопровождали Колумба в его странствиях.

Скорее всего, Колумбам сильную помощь оказывали собратья по вере, богатые генуэзские финансисты из марранов. С их помощью юноша из небогатой семьи попал в университет города Падуа.

Будучи образованным человеком, Колумб был знаком с учениями древнегреческих философов и мыслителей, избравших Землю шаром, а не плоским блином, как считали в Средневековье. Однако такие мысли, как и еврейское происхождение во времена инквизиции, которая свирепствовала в Европе, следовало тщательно скрывать.

В университете Колумб сдружился со студентами и преподавателями. Одним из его близких приятелей стал астроном Тосканелли. По его расчётам выходило, что до заветной Индии, полной несметных богатств, гораздо ближе плыть в западном направлении, а не в восточном, обогнув Африку. Позже Христофор провёл собственные расчёты, которые, будучи неверными, подтвердили гипотезу Тосканелли. Так родилась мечта о западном путешествии, и ей Колумб посвятил всю жизнь.

Ещё до поступления в университет, четырнадцатилетним подростком Христофор Колумб испытал тяготы морских странствий. Отец устроил сына на одну из торговых шхун для обучения искусству навигации, навыкам торговли, и с этого момента стартовала биография Колумба-мореплавателя.

Первые плавания Колумб в качестве юнги совершил по Средиземному морю, где пересекались торгово-экономические пути между Европой и Азией. При этом о богатствах и золотых россыпях Азии и Индии европейские купцы знали со слов арабов, которые перепродавали им чудесные шелка и пряности из этих стран.

Юноша слушал необычайные истории из уст восточных купцов и воспылал мечтой достичь берегов Индии, дабы найти её сокровища и разбогатеть.

В 70-х годах XV века Колумб женился на Фелипе Моних из богатой итало-португальской семьи. Тесть Христофора,

поселившегося в Лиссабоне и ходившего в море под португальским флагом, также был мореплавателем. После смерти он оставил морские карты, дневники и другие документы, перешедшие по наследству к Колумбу. По ним путешественник продолжил изучение географии, одновременно штудировав труды Пикколомини, Пьера де Айльи, Марко Поло.

Христофор Колумб принял участие в так называемой северной экспедиции, в составе которой его путь проходил через Британские острова и Исландию. Предположительно, там мореплаватель и услышал скандинавские саги и истории о викингах, Эрике Рыжем и Лейве Эрикссоне, которые достигли побережья „Большой земли“, переплыв Атлантический океан.

Маршрут, позволявший добраться до Индии западным путем, Колумб составил ещё в 1475 году. Он представил честолюбивый план покорения новой земли на суд генуэзских купцов, однако поддержки не встретил.

Спустя несколько лет, в 1483 г., Христофор обращается с аналогичным предложением к португальскому королю Жуану II. Король собрал учёный совет, который рассмотрел проект генуэзца и нашёл его расчёты неверными. Расстроенный, но неунывающий Колумб уехал из Португалии и перебрался в Кастилию.

В 1485 г. мореплаватель испросил аудиенции у испанских монархов Фердинанда и Изабеллы Кастильской. Супруги приняли его благосклонно, выслушали прельщавшего их сокровищами Индии Колумба и так же, как португальский правитель, создали учёных на совет. Комиссия не поддержала мореплавателя, поскольку возможность западного пути подразумевала шарообразность Земли, что противоречило учению церкви. Колумба едва не объявили еретиком, однако король с королевой смиростивились и решили отложить окончательное решение до завершения войны с маврами.

Колумб, которым двигала не столько жажда открытий, сколько желание разбогатеть, старательно скрывая детали намечающегося путешествия, отправил послания английскому и французскому монархам. Карл и Генрих не ответили на письма, будучи слишком занятыми внутренней политикой, зато португальский король прислал мореплавателю приглашение продолжить обсуждение экспедиции.

Когда Христофор заявил об этом в Испании, Фердинанд и Изабелла дали согласие на снаряжение эскадры кораблей для поиска западного пути в Индию, хотя нищая испанская казна не имела средств для этого предпринятия. Монархи пообещали Колумбу дворянский титул, звания адмирала и вице-короля всех земель, которые ему предстоит открыть, а деньги ему пришлось брать займы у андалусских банкиров и купцов. Деньги на предприятие дали два высокопоставленных конферос Луис Сантангель (министр финансов и казначей короля Испании Фердинанда II, учёный-юрист, крещёный еврей – ред.) и Габриэль Санчес (испанский государственный деятель, казначей короля Испании Фердинанда II, принадлежал к семейству обращённых евреев – ред.), а также знаменитый Дон Ицхак Абарбанель (еврейский учёный, комментатор ТаНаХа – ред.).

Если верить биографам Христофора Колумба, первым из которых был его собственный сын, мореплаватель был женат дважды. Первый брак с Фелипе Моних был законным. Жена родила сына Диего. В 1488 г. у Колумба родился второй сын Фернандо – от связи с женщиной по имени Беатрис Энрикес де Арана.

Мореплаватель равно заботился об обоих сыновьях, а младшего даже взял с собой в экспедицию, когда мальчику исполнилось 13 лет. Фернандо стал первым, кто написал биографию знаменитого путешественника.

Впоследствии оба сына Колумба стали влиятельными людьми и заняли высокие посты. Диего был четвёртым вице-королем Новой Испании и адмиралом Индии, а его потомки были титулованными маркизами Ямайки и герцога-

ми Верагуа. Фернандо Колумб, ставший писателем и учёным, пользовался благосклонностью испанского императора, жил в мраморном дворце и имел годовой доход до 200 000 франков. Эти титулы и богатства достались потомкам Колумба в знак признания испанскими монархами его заслуг перед короной.

После открытия Америки из последней экспедиции Колумб вернулся в Испанию смертельно больным, постаревшим человеком. В 1506 г. первооткрыватель Нового Света скончался в бедности в маленьком домике в Вальядолиде. Сбережения Колумб потратил на оплату долгов участникам последней экспедиции.

Анализируя происхождение Колумба, исследователи Хосе Эруго, Отеро Санчес и Николас Диас Перес пришли к выводу, что Колумб на самом деле был „тайным“ евреем, а истинной целью его экспедиции было вовсе не открытие морского пути в Индию. Письма и дневники Колумба проливают свет на то, кем в действительности был великий мореплаватель. Учёный-лингвист Эстель Иризарри, проанализировав сотни писем, пришла к выводу, что родным языком Колумба был кастильский вариант испанского или ладино – язык, на котором говорили испанские евреи. (Ладино относился к испанскому языку, как идиш к немецкому).

Другая деталь – необычные знаки в верхнем левом углу писем Колумба сыну. Это еврейские буквы „бэт“ и „хэй“ – сокращение слов „бэ-зрат а-Шем“ – „с Б-жьей помощью“ на иврите. Евреи, соблюдающие Традицию, по сей день в своих письмах используют эту аббревиатуру. Неудивительно, что в письме, адресованном королю и королеве, таких пометок нет.

Весьма любопытно также завещание Колумба. Десятую часть своего имущества он жертвовал неимущим и учреждал специальный фонд, обеспечивающий бедных невест приданым. Это очень напоминает традиционную еврейскую благотворительность. Кроме того, он распорядился передать определённую сумму некоему еврею, жившему у ворот лиссабонского гетто.

Личная печать Колумба представляла собой переплетение букв и штрихов – знак, который часто применялся при оформлении надгробий на еврейских кладбищах Испании. Перед смертью мореплаватель дал сыновьям указание использовать этот знак как семейную печать и в будущем. По мнению британского историка Сесила Рота, автора книги „История марранов“, этот знак представлял собой понятную только посвященным замену „Кадиша“ – иудейской поминальной молитвы. Возможно, это завуалированная инструкция сыновьям читать по отцу Кадиш.

В своей книге „Паруса надежды“ Симон Визенталь выдвигает предположение, что истинной целью путешествия Колумба было – открыть новые земли, где евреи могли бы найти убежище от гонений. Другие исследователи считают, что Колумб отправился искать более короткий путь в Индию, чтобы добыть золото на организацию Крестового Похода – отвоевать Святую Землю и восстановить Храм. Возможно, Колумб также надеялся найти 10 потерянных колен Израиля, недаром он взял с собой переводчика с иврита.

Ещё один любопытный факт: изначально отплытие экспедиции было назначено на 2 августа, но в тот год 2 августа выпало на 9-ое число еврейского месяца Ав – день скорби для еврейского народа. Ни один еврей не рискнёт отправиться в опасное путешествие в такой день. Случайность ли, что Колумб перенёс отплытие на 3 августа – следующий день после того, как евреям Испании было предписано покинуть страну?

При поверхностном знакомстве с историей складывается впечатление, что Христофор Колумб был просто мореплавателем, который отправился искать морской путь в Индию и случайно открыл новый континент. Но когда мы больше узнаем о его жизни, перед нами предстаёт человек, одержимый поиском путей освобождения евреев Европы, чья рука Вс-вышнего привела в Новый Свет – Америку!

Барбара ПЕНН.

Израиль Гельфанд

Израиль Моисеевич Гельфанд родился в семье бухгалтера в приднестровском местечке Окны Тираспольского уезда Херсонской области. Учился в еврейской, русской и украинской школах, очень рано проявил особенный интерес к математике. В 1923 г. семья переехала в Ольгополь Винницкой области, где Гельфанд поступил в химическую профессиональную школу в Чечельнике и подружился с одноклассником – другим будущим математиком Д.П. Мильманом. В девятом классе (в 1928 г., в период коллективизации) Гельфанд и Мильман были исключены из профшколы как дети „нетрудового элемента“ (отец Гельфанда в это время управлял кустарной мельницей).

Не имея возможности закончить среднее образование, в силу тяжёлых семейных обстоятельств в феврале 1930 г. уехал к дальним родственникам в Москву, некоторое время был безработным, занимался подённой работой, был контролёром в Ленинской библиотеке, где занимался самообразованием. В 1931 г. начал посещать вечерние лекции по математике в нескольких учебных заведениях, в том числе в Московском государственном университете.

Уже через год, в 1932 г., не имевший не

только высшего, но и законченного среднего образования Гельфанд стал аспирантом великого Колмогорова и преподавателем МГУ. Его научная карьера, как у большинства учёных его поколения, развивалась стремительно: в 1935 г. – кандидат наук, в 1940-м – доктор. Позднее Колмогоров говорил, что на свете есть только два математика, беседа с которыми он ощущает присутствие высшего разума, и один из них – Гельфанд. Парадокс Гельфанда был в том, что в век, когда математика разбивалась на всё более и более узкие специализации, он оставался универсалом, с равным успехом занимавшимся исследованиями более чем в дюжине областей. Автор 800 научных статей и 30 монографий, он внёс значительный вклад в функциональный анализ, алгебру, топологию, математическую физику, теорию вероятностей – перечень можно продолжать. Когда его младший сын заболел лейкемией, в круг интересов Гельфанда вошли биология, нейрофизиология и медицина.

Однако за пределами собственно математической среды Гельфанд в первую очередь

был известен как организатор науки и просветитель. В 1943 г., едва вернувшись из эвакуации, он основал легендарный еженедельный математический семинар, шедший сначала на Моховой, а затем на 14-м этаже главного здания МГУ без малого полвека. Аспиранты, студенты и даже школьники-вундеркинды пользовались на семинаре Гельфанда равными правами с профессорами и академиками. И хотя порядки здесь царил диктаторские, большинство участников вспоминают о семинаре и его руководителе с восхищением и благодарностью.

Другим важнейшим достижением Гельфанда-педагога стало создание Всесоюзной заочной математической школы, позволившей сотням талантливых школьников со всех концов СССР учиться у лучших московских математиков. Многие коллеги ученого считают, что ВЗМШ оказала большее влияние на математическое образование в Советском Союзе, чем все элитные спецшколы и интернаты.

Лауреат всех мыслимых советских и международных премий, кавалер множества ор-

денов, почётный доктор крупнейших западных университетов – Сорбонны, Оксфорда, Гарварда, Принстона Гельфанд, став ещё в 1953 г. член-кором, несколько десятилетий „проваливался“ на выборах в полные академии и был „невъездным“. Безусловно, правы те, кто усматривает в этом личную „заслугу“ Льва Понтрягина – тогдашнего главы Отделения математики АН, выдающегося математика и не менее выдающегося антисемита. Однако свою роль, вероятно, сыграли и обиды оскорблённых Гельфандом влиятельных коллег – его непростой характер и любовь к прямым высказываниям ни для кого не были секретом. Действительным членом АН он стал только в 1984 г.

Последние 20 лет жизни великий математик провёл в США, занимая пост профессора в Ратгерском университете (штат Нью-Джерси).

Гельфанд считал, что математика подобна музыке, и каждый учёный напоминает того или иного композитора. Себя он видел Моцартом, пояснив: „Мы любим Моцарта не за то или иное его произведение. Великим композитором его делают вся совокупность его работ и их абсолютное величие“.

Михаил МАЙКОВ.

Когда евреев больше обычного тянет беседовать с Б-гом? В канун субботы, в пятницу вечером. Старший политрук Кац отлично знал это, потому что происходил из религиозной семьи и вплоть до вступления в коммунистическую партию исправно посещал синагогу.

Именно поэтому в пятницу вечером во всех подразделениях проводились политбеседы, и агитаторы из штаба полка заводили нудный разговор о вере религии – опиума для народа – как раз тогда, когда на небе загоралась первая звезда, и во всём мире евреи зажигали субботние свечи.

Бывшего шамеса Шлэйме Гаха сам Б-г избавил от такого кощунства. Не сидеть на такой беседе он не имел права, но зато он не слышал богохульных слов, потому что был глух. Он закрывал глаза, и ему становилось совсем хорошо. Можно было молиться в уме. Но Б-же упаси шевелить при этом губами. Да ещё покачиваться всем телом. Политрук Кац поймал его однажды за этим занятием, и рядовой Гах схлопотал пять нарядов вне очереди.

Миномётная рота занимала высоту, глубоко окопавшись и построив прочные блиндажи. В тыл, к штабу полка, вёл извилистый ход сообщения в человеческий рост, и по этому ходу в пятницу вечером, как раввин на субботнюю молитву, отправлялся на позицию старший политрук Кац, что доставляло жестокие страдания шамесу. Не приносили особой радости эти визиты и другим евреям.

Командир роты лейтенант Брехес был коммунистом и не видел разницы между субботой и воскресеньем. И вообще ему было не до Б-га, потому что у него обострилась доведенная язва желудка. Но человек он был мягкий и к своим подчинённым относился не по-казённому. Поэтому никто не удивился, когда в пятницу после обеда он сказал, как бы между прочим, что старшего политрука Каца вызвали в дивизию и, возможно, политбеседа нынче не состоится. У шамеса Гаха заблестели глаза. Удивительнее всего, что лейтенант Брехес говорил не так уж громко, а шамес слышал каждое слово. Бывает.

Евреи оживились. Стали шептаться, таинственно оглядываясь. От одного к другому ходил, как маятник, шамес Гах, очень возбуждённый, но разговаривал на удивление тихо. Хотя, как известно, глухие разговаривают слишком громко, чем и славился шамес до этого случая.

Одним словом, евреи собирали миньян – десять человек, необходимых для молитвы, и готовились всласть отвести душу в канун субботы.

На немецкой стороне было тихо. За весь вечер раздалось два-три выстрела, и всё. В тылу, в штабе, тоже не заметно было особого движения. По всем признакам канун субботы обещал быть спокойным.

С приближением вечера шамес занервничал. Не собиравшись миньян. Девять евреев, не забывших, что пятница – это пятница, он нашёл. Не хватало десятого. Без десятого всё шло насмарку, и молитва срывалась.

Лейтенант Брехес спросил шамеса, чем он так озабочен, и когда тот объяснил, в чем дело, даже рассмеялся и сказал, что это всё формальности и если им так уж нужен десятый, то он, лейтенант Брехес, может посидеть за компанию. Правда, если это ненадолго. Потому что он роту не может оставить без присмотра. Шамес просиял и попросил командира роты явиться на молитву с покрытой головой. Можно в пилотке. Или в каске.

Близилась летняя сумерка, и весь миньян собрался в блиндаже, в касках и с личным оружием. На этом настоял лейтенант Брехес на случай огневого налёта противника.

Молитва

На ящик из-под мин поставили две свечи: две латунных стреляных гильзы от снарядов 45-миллиметровой противотанковой пушки. В гильзы налили керосин, сплющили концы, откуда торчали фитили из брезентового солдатского ремня. Такие светильники на фронте назывались „катошами”. В этот вечер „катоши” должны были послужить евреям субботними свечами.

– Где тут восток? – вдруг забеспокоился шамес. – Мы должны повернуться лицом к Иерусалиму.

– Хорошенькое дело, – сказал Моня Цацкес. – Из-под русского города Орла увидит Иерусалим.

– Слушайте, евреи, нет таких крепостей, которых бы не могли взять большевики, – пошутил лейтенант Брехес.

Он снял с руки свой компас, положил на ящик, прищурился на мечущуюся стрелку и сказал:

– Вон там – юг, а Иерусалим к юго-западу от нас... Как раз там, где вход в блиндаж. Значит, можно стать лицом сюда, и вы не промахнетесь.

– Там – Иерусалим? – посмотрел в проём хода шамес Гах, и глаза его увлажнились. – Подумать только, там – Иерусалим...

Евреи стали в тесноте перестраиваться лицом к Иерусалиму, и со стороны можно было подумать, что они готовятся к выходу на боевое задание.

– Время! – зловеще шептал шамес Гах, хлопотавший возле свечей. – Кто следит за небом? Не упустите появления первой звезды.

Моня Цацкес не мог удержаться и не вставить свой совет: – Только не перепутайте, чтоб не вышло греха: не примите сигнальную ракету за первую звезду.

Шамес неодобрительно посмотрел на него, и Моня заткнулся.

– Ну, есть звезда? – нетерпеливо спросил шамес.

– Звезды ещё нет, – ответил голос снаружи, – но бежит к нам Иван Будрайтис.

– Что тут нужно этому гою Будрайтису? – возмутился шамес.

– Должно быть, ко мне, – сказал командир роты, – я его оставил у телефона.

– Ребята! – влетел в блиндаж скуластый Иван Будрайтис. – Кончай базар! Товарищ политрук Кац звонили, они идут к нам проводить политбеседу.

Иван Будрайтис выпалил это и сам был не рад – так он испортил всем настроение.

– Надо расходиться... – вздохнул лейтенант Брехес. – Может быть, в другой раз...

– И ничего нельзя придумать? – с тоской взглянул на него шамес.

Остальные евреи тоже выжидающе смотрели.

– А что я могу придумать?

– Я придумал, – сказал Моня Цацкес, и все головы как по команде повернулись к нему. – Старший политрук Кац не самый храбрый человек в литовской дивизии. Верно?

Евреи нетерпеливо кивнули, а Иван Будрайтис сказал: – Это уж точно.

– Значит, – продолжал Цацкес, – если немцы сейчас откуют сильный артиллерийско-миномётный огонь, то старший политрук Кац, уверяю вас, и носа не высунет из своего укрытия при штабе полка.

– Хорошенькое дело! – всплеснул руками шамес. – Цац-

Еврейская майса

кес, вы, должно быть, родились недоношенным. Кто же это немцам передаст, что евреи просят их об одолжении: открыть огонь? Не вы ли?

– Могу и я, но только, ребе, я приму на себя грех – поработаю в субботу, что еврейским законом возбраняется... Хотя стойте! У нас же есть шабес-гой! Иван Будрайтис. Для него это не грех. Ваня, ты можешь сделать одолжение своим однополчанам?

– Смотря какое... – осклабился Будрайтис.

– Пустяк. Возьмешь мину и опустишь её в миномет. Немцам не понравится, что их потревожили перед ужином. И они ответят. Так, что чертям станет тошно. Тем более старшему политруку Кацу. Можете не волноваться – его здесь не будет.

Никто ничего не сказал. Все думали. И на лицах у всех появилась хитрая ухмылка. Монина идея явно нравилась миньяну.

– Я – что? – сказал Иван Будрайтис. – Мне – раз плюнуть. Так за чем остановка? – нетерпеливо спросил шамес.

– А вот как товарищ командир роты скажут, – показал глазами на лейтенанта Брехеса Иван Будрайтис, – так и будет.

Теперь все смотрели на Брехеса.

– Добро, – сдался лейтенант. – Но не больше одного выстрела. Боеприпасов мало.

– Будет сделано! – козырнул Иван Будрайтис. – А вам, товарищи, счастливо помолитесь.

И исчез в быстро сгушавшихся сумерках.

– Как там? – нервничал шамес. – Звезды ещё нет?

Вместо ответа хлопнул миномётный выстрел. И взрыв донёсся с немецкой стороны. Это сработал шабес-гой Иван Будрайтис.

Немцы с минуту недоумевали, чего это русские их беспокоили без видимой причины, затем грянули залпом из восьми минометов. Вслед ударила артиллерия. Грохот прокатился по всей высоте. Взрывы распустили пыльные бутоны от вершины до подножия и дальше, в расположенном штабе полка.

– Звезда! Звезда! – этот крик прорвался сквозь адский шум огневого налета.

Шамес трясущимися руками зажёл спичкой обе „катоши”, коптящее пламя колыхалось при каждом разрыве.

Шамес воздел руки над свечами, сощурил глаза, потому что сверху на него сыпался песок, и на древнем языке – лошен койдеш – провозгласил молитву, стараясь перекрыть грохот над головой.

– Барух ата Адонай... эпохейну мелех хаолам, ашер кидшану бемицвотав ве цивану лэадлик нер шель шабат...

И весь миньян, за исключением лейтенанта Брехеса, вдохновенно подхватил, повторяя за шамесом начало субботней молитвы:

– Благословен Ты, Превечный, Б-же наш, Царь вселенной, который освятил нас законами Своими и заповедал нам зажигать субботние свечи.

Сотрясалась земля. Трещали брёвна перекрытия над головами. Со стен струился песок. Едкий дым из хода сообщения вползал в блиндаж. В девять глоток, при одном воздержавшемся, неистово молились евреи Б-гу на древнем языке своих предков в летний пятничный вечер 1943 года на русской равнине, отмеченной на военных картах как Орловско-Курская дуга.

Эфраим СЕВЕЛА.

Немного истории иврита

Иврит (עברית – „еврейский язык”) – язык семитской семьи, государственный язык Израиля, язык некоторых еврейских общин и диаспор; древняя форма иврита (иногда называемая древнееврейским языком) – традиционный язык иудаизма. Современный иврит возрождён и адаптирован как разговорный и официальный язык Государства Израиль в XX веке.

Между XIII и VII веками до н.э. иврит становится самостоятельным семитским языком, окончательно отделившись от близкородственных ему языков северо-западной подветви. Наиболее древний памятник еврейского эпоса на иврите из обнаруженных к настоящему времени – библейская „Песнь Деворы”, текст которой предположительно восходит к XII веку до н.э. Самые древние надписи на иврите – „Календарь из Гезера” и надпись из Хирбет-Кияфа, датируются X веком до н.э. Определение языка этих надписей именно как иврита, в отличие от других ханаанейских языков, является предметом научной дискуссии.

Язык, считавшийся исключительно книжным в течение 18 столетий, становится языком повседневного общения, государственным языком Государства Израиль. Это стало возможным благодаря усилиям ряда энтузиастов, самый известный из которых – Элизер Бен-Йегуда.

Идея возрождения иврита была неотъемлемой частью идеологии сионизма как таковой, стремившейся порвать с наследием диаспоры и с языками, на которых говорили евреи, жившие под чуждым владычеством. Показательными в связи с этим представляются слова, сказанные в 1935 году Хаимом Вейцманом – учёным, либералом, европейским интеллектуалом и будущим первым президентом Израиля: „Мы приехали в Эрец-Исраэль не для того, чтобы копировать жизнь Варшавы, Пинска и Лондона. Сущность сионизма – изменение всех ценностей, которые евреи усвоили под давлением чужих культур”.

Прошло более ста лет с тех пор, как Союз взаимопомощи немецких евреев (Хильфсфайр) основал в 1904 г. первую в Иерусалиме учительскую семинарию для преподавателей иврита, и с момента открытия в 1905 г. в Яффо гимназии „Герцлия” – первой в мире средней школы, в которой преподавание велось на иврите. Главным залогом успеха стал добровольный (а иногда и принудительный) выбор иврита как языка повседневного общения в семьях репатриантов второй и третьей волны, прибывших в Эрец-Исраэль в первой четверти XX века, в киббуцах и сельскохозяйственных поселениях.

В первые годы существования Государства Израиль политика внедрения иврита носила исключительно жёсткий характер. В дальнейшем, когда иврит окончательно вытеснил другие еврейские языки, отношение к этим языкам со стороны еврейского государства значительно смягчилось. В 1996 году были приняты законы о сохранении культурного наследия на идише и ладино.

Март

Пожелание в праздник очень простое
Хорошеть с каждым днём,
Расцветать, как весна,
Пусть надеждой и счастьем, верой, любовью
Будет жизнь, словно солнышком теплым, полна!

 Claims Conference ועידת התביעות
The Conference on Jewish Material Claims Against Germany

Социальные услуги для подопечных (жертв нацизма) Хэсэда предоставляются при поддержке гранта от „Конференции по материальным претензиям еврейского населения к правительству Германии”.

Газета „Вместе”. Учредитель – Черкасский областной благотворительный еврейский фонд „Турбота поколений – Хэсэд Дорот”.

Редактор М. Тайбишлак. Компьютерная верстка – М. Тайбишлак, П. Тайбишлак. Свидетельство о регистрации ЧС №294 от 24 ноября 2000 г. Адрес редакции: 18015, Черкассы, ул. Б.Хмельницкого, 66. ☎ (0472)37-70-79, 54-41-48; 54-43-11. e-mail: ineinem20@gmail.com <http://hesed-dorot.ch.ua> Отпечатано в типографии г. Черновбай. Тираж 800 экз.

Подписной индекс 90781.

При перепечатке материалов ссылка на газету обязательна. Распространяется бесплатно.

Наши спонсоры: Еврейская Федерация Большой МетроВест Нью-Джерси и Международная общественная организация Центр „Джойнт”.

Просьба обращаться с этим изданием аккуратно – в нём приведены слова Торы.